

Мо Юньфэй изучал сегодняшнее вечернее меню.

Эта рыба неплоха, костей мало, ему нравится.

Эта зелень... так себе, недодержали на огне, вкус не раскрылся.

Эта курица вкусная, приготовлена очень нежно.

Эти баклажаны...

Только Мо Юньфэй добрался до баклажанов, как за обеденным столом раздался звук «па» — палочки ударились о стол, а следом послышался гневный низкий рык мужчины средних лет.

— Мо Юньфэй, посмотри на себя, в тебе осталось хоть что-то от потомка семьи Мо?! Ты думаешь, если будешь вести себя так расхлябанно, я соглашусь расторгнуть твою помолвку с семьёй Шэнь? Мечтай!

— Старина Мо, остынь, давай сначала поедим, а?

— Какая еда? С таким непокорным сыном я уже сыт по горло одной злостью. Не в обиду тебе будет сказано, хоть Мо Юньфэй тебе и не родной, но тебе тоже следовало бы его воспитывать! Я не жду, что он будет таким же разумным, как Синь-Синь, но он не должен меня позорить!

— Старина Мо, мне не нравится, когда ты так говоришь. У каждого ребёнка свой характер. В характере Юньфэя нет ничего плохого, по крайней мере, он искренний!

— Да, папа, у нас в классе есть некоторые богатые наследники, которые в будни только и делают, что пользуются властью, чтобы обижать людей, и преуспели во всех пороках — едят, пьют, развратничают и играют в азартные игры. По сравнению с ними старший брат, по крайней мере, может сам себя прокормить!

— Это он-то сам себя кормит? Это называется позориться на людях! Ладно бы просто позорился, он с детства только и делал, что позорился, но он ещё и хочет расторгнуть помолвку? Думаешь, мне легко дался этот брак? Почему он так не ценит хорошее отношение?

— Старина Мо, не сердись, Юньфэй ещё маленький, может, просто временно запутался...

— Он маленький? Ему уже двадцать три!

...

Слушая, как они снова начинают разыгрывать спектакль, Мо Юньфэй молча закатил глаза в душе и ускорил темп еды.

С тех пор как он попал сюда, он ни разу нормально не поел.

Неважно, дома Мо Чэн или нет, мачеха оригинального владельца тела и этот дешёвый братец притворяются хорошими людьми, разыгрывая свои искусные представления.

Когда Мо Чэна нет, их спектакль сосредоточен на том, чтобы лицемерным тоном «убеждать» его принять брак; когда Мо Чэн дома, содержание представления зависит от настроения Мо Чэна. Какой спектакль нужен Мо Чэну, так они и подыгрывают. Кажется, что каждое слово призвано сгладить ситуацию, но на самом деле каждое слово подливает масла в огонь, ни одно не пропадает зря.

Мо Юньфэй смотрел на то, как они каждый день устраивают оперу, и думал, что им действительно жаль не пойти в шоу-бизнес. Иначе взять награду Киноимператора или Киноимператрицы для них было бы делом пары минут, разве нет?

Нет-нет, этим людям нельзя брать титулы Киноимператора или Киноимператрицы. Если они их получают, разве это не выставит его ещё большим ничтожеством и неудачником? Нельзя, абсолютно нельзя! Пока он не станет Киноимператором, этим троим ни в коем случае нельзя в шоу-бизнес!

Подумав о неудачах, Мо Юньфэй невольно вздохнул.

В детстве его бросили у дверей детского дома, и директор приюта приютил его.

В начальной школе его жизненной мечтой было стать учёным. Директор очень поддерживал его, и дети помладше тоже восхищались им.

Поэтому он с энтузиазмом участвовал во многих конкурсах, но в итоге единственным предметом, по которому он получил награду, была физкультура.

Он чувствовал себя очень уязвлённым, но директор утешил его, сказав, что успехи в спорте означают, что он настоящий мужчина.

Мо Юньфэй посмотрел на своё красивое и милое лицо в зеркале, потом на наклейку с древним воином на столе, и его словно осенило.

В этом есть смысл! Зачем ему быть учёным? Ведь быть звездой боевиков гораздо круче! К тому же можно зарабатывать деньги и помогать детскому дому!

Позже Мо Юньфэй начал заниматься боевыми искусствами, затем успешно получал награды и вошёл в индустрию развлечений.

Как раз когда он думал, что скоро станет звездой боевиков нового поколения и достигнет пика жизни, Агентство помогло ему получить первую роль — в молодёжной идол-драме.

Он играл там нежного и красивого второго главного героя.

Мо Юньфэй был несказанно возмущён и даже подумывал протестовать против действий Агентства.

Однако эта мысль лишь мелькнула у него в голове, а затем беззвучно рассеялась.

Какой толк от протестов? Протесты приведут лишь к тому, что у него не будет ролей. Раз так, уж лучше доказать себя делом. Он верил, что рано или поздно сможет сниматься в боевиках и успешно переквалифицироваться в звезду экшена!

Надо сказать, если бы всё шло гладко, желание Мо Юньфэя вполне могло бы осуществиться.

В конце концов, уже на третий год в индустрии Мо Юньфэй получил номинацию на звание Киноимператора. Ради этого он тайно поклялся, что как только получит Киноимператора, сразу сменит амплуа.

А потом... он встал на трагический путь: пять лет, четыре номинации, четыре пролёта.

До переселения сюда была его пятая номинация.

В отличие от четырёх предыдущих раз, в этот раз его шансы на победу были очень велики, настолько, что близкие друзья уже начали его поздравлять.

Он заранее написал благодарственную речь, отрепетировал её перед зеркалом бесчисленное количество раз, а потом, перед выходом, споткнулся о стол, упал, а когда очнулся...

Он стал своим тёзкой «Мо Юньфэем», у которого отец не любит, мать не... нет, мать-то любила «его», жаль только, что эта мать умерла несколько лет назад. И всего через полмесяца после её смерти его отец привёл в дом новую жену, которая притащила с собой девятилетнего брата по фамилии Мо, выглядящего почти точной копией его отца в детстве.

Затем «Мо Юньфэй», который и так вёл себя свободно, стал вести себя ещё более разнузданно.

По логике вещей, если не унаследовать память оригинального владельца, переселенец не может так хорошо знать ситуацию оригинала.

Но Мо Юньфэй отличался. Хоть он и не унаследовал память оригинала, он знал о прошлом и будущем оригинала как свои пять пальцев.

И не почему-то ещё, а просто потому, что за день до своего переселения он только что дочитал роман, роман о подонках и дешёвках.

Этот роман назывался «Переселение великого торговца». Гу в нём был мелким хулиганом, который переселился в тело богатого наследника и, опираясь на ореол главного героя, успешно стал существом, от топота которого дрожала вся индустрия развлечений.

Что касается Шоу, то это был человек, который остался с Гу даже после того, как Гу погубил его родного брата, с которым они вместе выживали. После этого они сходились и расходились бесчисленное количество раз, Шоу страдал бесчисленное количество раз, но они всё равно остались вместе.

Причём Гу не понёс никакого наказания.

Отец «Мо Юньфэя» был ещё жив, так что он, естественно, не мог быть родным братом Шоу, но он имел некоторое отношение к брату Шоу.

А именно — он был бывшим женихом брата Шоу, который расторг помолвку в самом начале и существовал от начала до конца только в диалогах.

По здравому смыслу, такой человек не должен был обидеть Гу и не должен был стать пушечным мясом — ведь враг врага — мой друг, верно? Но кто виноват, что у Гу, помимо Шоу, был ещё и «голубой друг» — близкий друг-мужчина, который вешался на него и ради него был готов предать родителей и обманом передать семейную компанию в руки Гу?

Да, тот самый тип «голубого друга», с которым спят.

Этот друг выглядел изысканно, его внешность была особенно безобидной.

Стоило ему пролить пару слезинок перед Гу, как Гу устранил его сводного брата.

К несчастью, того брата звали «Мо Юньфэй».

Из-за совпадения имени и фамилии Мо Юньфэй запомнил жизнь этого персонажа очень чётко. И благодаря этому Мо Юньфэй не спалился после переселения в тело оригинала.

Поначалу Мо Юньфэй вообще не смел поверить, что переселился, да ещё и в книгу. Лишь когда он нашёл под подушкой предсмертную записку «Мо Юньфэя», он действительно убедился, что попал в тот самый роман.

— Ты вообще слушаешь, что я говорю?!

Пока Мо Юньфэй витал в облаках, над ухом внезапно раздался громкий яростный рев.

Мо Юньфэй вздрогнул и пришёл в себя, увидев искажённое гневом лицо Мо Чэна.

Мо Юньфэй не любил этого дешёвого папашу, и так совпало, что оригинал тоже его не любил. Поэтому Мо Юньфэй, ничуть не заставляя себя, встал и с улыбкой сказал им:

— Слышал. Но, отец, я же говорил вам раньше, что сегодня иду красить волосы, так что очень извиняюсь, боюсь, я не смогу дальше слушать ваши наставления. Пусть второй брат послушает!

Сказав это, Мо Юньфэй сам вышел за дверь, открыл гараж, завел машину...

Хм? Почему не заводится?

Мо Юньфэй посмотрел на приборную панель и обнаружил, что бензин в этой машине, похоже, кто-то слил. Ему оставалось только вздохнуть, а затем полчаса бежать трусцой до ворот района вилл.

У ворот района вилл тоже не было машин, но он был умён и заранее заказал такси, так что очень скоро добрался до места назначения — парикмахерской.

Цены в этой парикмахерской были доступными, сразу видно, что оригинал сюда не ходил, поэтому Мо Юньфэй пошёл туда со спокойной душой.

<http://bllate.org/book/15595/1390233>